

Взгляд, обращенный назад (деятели русской эмиграции о Гоголе)

*Гоголь — загадка. А загадку каждому дозволено
разгадывать в меру его разума и душевных сил...*

Тэффи

Эти слова Тэффи лучше всего определяют процесс, продолжавшийся в литературе русской эмиграции. Именно продолжавшийся, потому что написанное о Гоголе вдали от родины во многом следовало тем размышлениям, которые характеризуют гоголеведение начала XX века. Разумеется, имя и наследие Гоголя были представлены в литературе русской эмиграции по-разному. С одной стороны, Гоголь оставался, как Пушкин и Достоевский, символом классической русской литературы — части родины, от которой эмиграция оказалась оторванной. Не случайно в рецензиях то и дело упоминалось его имя. Скажем, журнал «Новый корабль» (1927-1928), где печатались произведения молодых авторов круга «Зеленой лампы», открывался заметкой «От редакции» о том, что основой для их творчества является отечественная литература. «Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Владимир Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми, для нас, связывается будущее»¹.

С Гоголем, например, сравнивали и первые произведения Георгия Пескова (Елены Альбертовны Дейша, взявшей псевдоним по названию своего имени в пригороде Харькова Песочина). Она, по словам Ф. Степуна, была писателем талантливым: «Сила лучших рассказов Пескова... как раз в той спокойной уравновешенности, с которой рассказывается о вещах таинственных и жутких. Главная тема Пескова – таинственное в мире, присутствие в нем непостижимых простым разумом злых и добрых сил. Это роднит Пескова с Гоголем»². С Гоголем связывал одну из сторон своего дарования Ремизов. Н. В. Кодрянская вспоминала, как он говорил: «Веду свое от Гоголя, Достоевского и Лескова. Чудесное – от Гоголя, боль – от Достоевского, чудное и праведное – от Лескова»³.

Однако наряду с поисками преемственности продолжалось и постижение Гоголя. Несмотря на то, что, по мнению Алданова, «многое... о Гоголе уже было сказано», процесс осмысления гоголевского наследия развивался очень активно. В 30-е гг. выходит в свет статья филолога-слависта, литературоведа, историка, лингвиста и литературного критика Д. И. Чижевского о «Шинели»; Вяч. Иванов пишет о Пушкине, Гоголе и Аристофане. В берлинской колонии Михаил Горлин, муж Раисы Блох, наряду с работами по истории и теории литературы, пишет на немецком языке книгу о Гоголе и Гофмане. К. В. Мочульский издает в Париже «Духовный путь Гоголя» (1934). В. В. Набоков пишет книгу о Гоголе в 1940-е годы. В юбилейном 1952 г. в Буэнос-Айресе выходит в свет сборник статей,

посвященных памяти Н. В. Гоголя, подготовленный к печати Комитетом российской колонии в Аргентине⁴.

Было бы преувеличением говорить, что все писавшие о Гоголе в эмиграции находились под влиянием Мережковского, однако многие его идеи, настоящие исследовательские находки, вошли в творческий мир современников и стали его неотъемлемой частью.

Например, Вл. Ходасевич, даже говоря о предметах, далеких от Гоголя, видит в его творчестве образец, эталон. Так, в одной из рецензий он размышляет о «Мессии» Мережковского, и, казалось бы, тут нет места упоминанию о Гоголе. Вспомнить «Мертвые души» критика заставила тема жанрового новаторства: «Гоголь знал, что делает, подписывая под заглавием «Мертвых душ»: поэма. Тем самым он подсказывал читателю воспринять «Мертвые души» не так, как воспринимается роман или повесть»⁵. Когда Ходасевич пишет о формализме, то привлекает имя Гоголя, чтобы показать кощунственное, по его мнению, отношение к классике: «Словарь Даля необходим для того, чтобы верно понять Пушкина, Гоголя, Льва Толстого. Но что бы сказали мы, если б воскресший Даль поднес нам свой словарь с такими примерно словами: “Бросьте-ка вы возиться с вашими Пушкиными, Толстыми да Гоголями. Они только и делали, что переставляли слова как попало. А вот у меня есть все те же слова, и даже в лучшем виде...”»⁶ В обоих случаях Ходасевич — обычно оппонент Мережковского — стоит на тех же позициях.

Г. Адамович писал о Гоголе в связи с общими размышлениями: «Что мы такое? Что впереди? Зачем мы в эмиграции?» По случаю 150-летия со дня рождения писателя он выступает с докладом, опубликованном в «Вестнике Объединенных масонских лож», где говорит, что спорить о величии Гоголя «было бы нелепо <...> Лично я сказал бы даже больше: Гоголь, пожалуй, самый гениальный наш писатель, тот, у которого изобразительный и чисто словесный дар достигает наибольшей силы». Вспоминая утверждение Мережковского, что «сам черт водил пером Гоголя», Адамович признает: «...талант действительно необыкновенный, несравненный, и достаточно вспомнить хотя бы первые страницы «Мертвых душ», с удивительным в своем нарочитом, монументально величавом идиотизме разговором о колесе, — которое до Москвы, может быть, и доедет, но до Казани, нет, до Казани не доедет! — ...чтобы сразу это почувствовать... Нет, о чем тут говорить: гений, гений»⁷.

Вместе с тем, Адамовича смущает в Гоголе его холодность и отсутствие подлинной любви к кому бы то ни было. Он отказывает Гоголю в праве стоять рядом с Л. Толстым, Пушкиным или Лермонтовым, видит в нем только «страстное стремление стать именно таким художником», какими были они. Единственное произведение, которое критик готов

признать неким прозрением, «догадкой великого мастера», — это его «Старосветские помещики». Но даже это произведение – лишь попытка приблизиться к настоящей вершине. «На русском литературном небосклоне, — пишет Адамович, — Гоголь остается огромной, холодной, призрачно мерцающей звездой. Искусство его поразительно, но того, что дорого у других великих писателей, — чего-то похожего на протянутую руку, на ответственность за все, что с людьми может случиться, — у него нет». Адамович не согласен с тем, что стало, по его словам, “прописными псевдоистинами”: «Основатель русского реализма, проповедник гуманности, апостол любви и так далее. Колдун Гоголь сумел создать такие иллюзии, но прошло больше ста лет с его смерти, и пора бы им рассеяться»⁸.

Нельзя не заметить, что концепция Адамовича во многом созвучна написанному за полвека до него Мережковским. Ее роднит с этой известной книгой и отказ видеть в Гоголе одного из основателей русского реализма, и сравнение писателя с «холодной, призрачно мерцающей звездой». Как писал Мережковский, напоминая сюжет «Снежной королевы», «судьба Кая — судьба Гоголя: кажется, и ему попал в глаз и в сердце осколок проклятого зеркала. И его бесконечная возня со своими добродетельными правилами, тоже своего рода “правильными остроконечными льдинами”, безнадежное “устроение души своей”... И он, сидя на обледенелых развалинах его же собственным смехом разрушенного мира, складывает и не может сложить из плоских льдин то, что ему особенно хотелось бы: слова “Вечность”, “Вечная Любовь”... Бедный Гоголь, бедный Кай! Оба замерзнут, так и не сложив из льдин слова “Вечная Любовь”»⁹.

Уже в конце жизни увлеклась творчеством Гоголя Тэффи. 16 марта 1952 г. она опубликовала в нью-йоркской газете «Новое русское слово» статью «После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров)». К сожалению, при ее переиздании публикаторы оставили вне поля зрения теснейшую связь этих заметок с книгой Мережковского, хотя Тэффи испытывала к исследованиям предшественников активный интерес. В конце 1951 г. она открывает для себя Розанова, которого называет человеком «исключительного ума» и просит у Берлина его статью. Интерес к Розанову влечет за собой интерес к Набокову, а через него – к исследованиям о Гоголе начала века. Алданов отвечает ей на вопрос о Сирине так: «Книга Сирина написана блистательно, как все, что он пишет. Но многое в ней о Гоголе уже было сказано Мережковским, Белым и другими»¹⁰.

В размышлениях Тэффи очень многое связано с книгой Мережковского. Нет возможности указать все соответствия и реминисценции, приведем только несколько примеров. Подобно Мережковскому, Тэффи выделяет оппозицию «Пушкин – Гоголь» и говорит о Пушкине как о явлении гармоническом: «Все в Пушкине ясно, все чисто и все благословенно». Но, в отличие от Мережковского, она не берется утверждать, что «загадка»

Гоголя уже разгадана, видя в нем «что-то неладное, уродство какое-то». Мережковский сделал мысль об «уродстве» лейтмотивом второй части своей книги. «Разлад, дисгармония во внутреннем существе его отражаются и во внешнем, даже телесном облике, — писал он. — При первом взгляде наружность его удивляет: в ней что-то странное, на других людей непохожее, слишком напряженное, слишком острое и вместе с тем надломленное, больное. — Чем пристальнее всматриваешься в него, тем это смешное становится более жутким, почти страшным, фантастическим... “Птица”, “карла”, “демон”, карикатура, призрак, что-то фантастическое, только не человек или, по крайней мере, не совсем человек»¹¹. Мережковскому нужен был этот образ, чтобы объяснить природу гоголевского творчества борьбой с чёртом. Тэффи же считает «уродство» источником таланта Гоголя: «Но это уродство и есть то, что отличает его от других, это и есть его “неладный” талант. Жемчужина — болезнь раковины, ее уродство. Но только это уродство и драгоценно».

Еще одна линия пересечения Тэффи с предшественником — убежденность, что в конце первого тома «Мертвых душ» мелькает тема «Ревизора». Эта мысль в книге «Гоголь и черт» развернута в главы, где оба гоголевских творения связывались воедино одной идеей. Ее, кстати, Тэффи тоже проговаривает в своих заметках: «Что же случилось с Гоголем после такого ширококрылого взлета его таланта? Как накатили на него эти бездушные, злые проповеди с укоризненно поднятым указательным пальцем? Захотел высмеять чёрта. Убить его страшным орудием, “которого боится даже тот, который уже ничего не боится”. Но думается, что эту задачу, это посрамление черта он уже потом придумал. Этой задачи у него не было. Да и тему дал ему Пушкин, который с чёртом мало ведался»¹².

Разумеется, в цитируемом тексте проявился и индивидуальный опыт постижения Тэффи гоголевского творчества. Ее размышления совершенно свободны от мистицизма, она дает простые ответы на вопросы о неуспехе «Выбранных мест из переписки с друзьями», выносит точные суждения о «Тарасе Бульбе», метко характеризует героев «Мертвых душ», с сочувствием говорит о личной судьбе писателя, об отношении его к женщинам. Но характер ее размышлений представляется своего рода диалогом с предшественниками, среди которых были Розанов, Набоков и, несомненно, Мережковский.

Несмотря на оторванность от родины, деятели русской эмиграции вели непрерывный диалог с великим прошлым своей культуры, иногда перерастающий в полемику. Гоголь занимал важнейшее место в этой полемике, процесс постижения его наследия не прерывался.

Примечания

1. Струве Г. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья.— Изд. 3-е, испр. и доп. — Париж; Москва, 1996. С. 136.
2. Там же. С. 203.

3. Кодрянская Н.В. Лето с Ремизовым // Новое русское слово. 1955. От 20 ноября.
4. Сборник статей, 1852–1952 / Изд. комитета российской колонии в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1952.
5. Ходасевич В. О Мережковском // Колеблемый треножник. М., 1991. С. 536.
6. Ходасевич В. О формализме и формалистах // Критика русского зарубежья: В 2-х ч. / Сост., предисл., преамбулы, примеч. О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. М., 2002. Ч. 1. С. 322.
7. Доклад Адамовича о Гоголе // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 145.
8. Там же. С. 146.
9. Мережковский Д.С. Гоголь и черт // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 245.
10. Тэффи. После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров) / Публ. и вступ. заметка Э. Нитраур и Б. Аверина. Прим. С. Князева // Литературное обозрение. 1998. № 6. С. 139.
11. Мережковский Д.С. Гоголь и черт. С. 245–255.
12. Тэффи. После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров). С. 146.